

УДК 94: 327

**ПОСЛЕДСТВИЯ МИЛИТАРИСТСКИХ УСТРЕМЛЕНИЙ ЯПОНИИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ****EFFECTS OF THE MILITARIST ASPIRATIONS OF JAPAN IN THE FAR EAST**©*Логунова З. П.**Амурский гуманитарно–педагогический государственный университет
г. Комсомольск–на–Амуре, Россия
Zinaida.Logunova@yandex.ru*©*Logunova Z.**Amur humanitarian and pedagogical state university
Komsomolsk–on–Amur, Russia
Zinaida.Logunova@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются милитаристские устремления Японии накануне Второй мировой войны, направленные на захват колоний стран США и Великобритании, на оккупацию Северо–Восточного Китая и Монголии и использование Маньчжурии как плацдарма для нападения на СССР.

Поэтому предметом исследования тематики данной статьи является выявление причин японской агрессии на Дальнем Востоке; объектом исследования является выявление последствий милитаристских устремлений Японии.

Методологическую основу составляют принципы историзма и научной объективности. В процессе работы над статьей автор подсчитала возможным использование наряду с общенаучными методами, использование специальных методов, применяемых как в истории, так и в других смежных науках (общественных и социальных): исследовательский метод, метод реконструкции, метод социологического опроса, критический подход.

При написании статьи автор опиралась как на архивные источники, так и на работы отечественных исследователей — новые работы и литературу советского периода.

Автор находит, что значимость данной статьи состоит в актуальности тематики исследования, так как раны, полученные в результате Второй Мировой войны на Дальнем Востоке еще не затянулись, еще живы как жертвы японской агрессии, так и их мучители, живы и бывшие японские военнопленные и, возможно, участники боев, а также свидетели и очевидцы этого пленения.

Abstract. This article discusses the militarist aspirations of Japan before the second world war, aimed at capturing the countries United States and British colonies, the occupation of Northeastern China and Mongolia and Manchuria to use as a springboard for an attack on the USSR.

For this reason, the subject of the research theme of this article is to identify the causes of Japanese aggression in the far East; the object of the study is to identify the effects of Japan's militarist ambition.

Methodological principles based on Historicism and scientific objectivity. While working on the article author has calculated the possible use along with knowledge of general scientific

<http://www.bulletennauki.com>

methods, use of special methods used in both history and other related sciences (public and social): research method, the method of reconstruction, survey method, critical approach.

When writing an article, the author relied on both archival sources and domestic researchers—new work and literature of the Soviet period.

The author finds that the relevance of this article is to study topicality, as wounds received as a result of the second world war in the far East has not yet passed, still alive as the victims of Japanese aggression and their tormentor, alive and former Japanese prisoners of war and, perhaps, the participants in the fighting, as well as witnesses and eyewitnesses of the captivity.

Ключевые слова: Японская агрессия, оккупация, маньчжуро–корейский плацдарм, укрепление дальневосточных рубежей, разгром Квантунской армии, пленение.

Keywords: Japanese aggression, occupation, Manchu–Korean foothold, the strengthening of the far eastern frontier, the defeat of the Kwantung Army, capture.

В предвоенные месяцы 1939 г. международные отношения стали приобретать все более напряженный характер. Японских империалистов привлекал Северо–Восточный Китай, как рынок сбыта, источник сырья и плацдарм для нападения на СССР.

Отражением сложных международных отношений на Дальнем Востоке в предвоенные годы могут служить высказывания японских генералов: «Чтобы завоевать весь мир, нужно завоевать Китай, чтобы завоевать Китай, нужно завоевать Монголию и Маньчжурию» (Блог Daniel Yozhik: http://ciwei.blogspot.ru/2010/10/blog-post_06.html).

Оккупированная в 1931 году японскими войсками Маньчжурия стала важнейшим источником леса, каменного угля, бокситов, железной руды, цинка, олова, необходимых для развития экономики. На предприятиях Маньчжурии быстрыми темпами шла выплавка чугуна, стали, производство нефти. На военных заводах шел выпуск новых видов стрелкового и артиллерийского оружия.

У самых границ СССР шло интенсивное строительство аэродромов, шоссе и железных дорог и уже к 1936 году в Маньчжурии было более 7 тыс. километров регулярных авиалиний, построено 7 авиационных баз, более 70 аэродромов, около 100 посадочных площадок, расположенных в непосредственной близости к границам СССР. С 1931 по 1936 год было проложено около 6 тыс. железнодорожных путей, к январю 1936 года — около 15 тыс. километров шоссе и улучшенных грунтовых дорог. Основное внимание уделялось строительству дорог, выходящих к границам СССР» [1, с. 6].

Отсюда следует, какую важную роль в осуществлении своих планов японцы отводили Маньчжурии, как военно–экономической базе для оккупации всего Китая, ослабленного войной и разрухой, и как плацдарма для успешного нападения на Советский Союз.

Население оккупированных районов воспитывалось в духе преданности великой империи Ниппон. «В школьные программы включалось изучение географии «великой Японии», к которой причислялись территории советского Дальнего Востока и Сибири вплоть до Урала» (Блог Daniel Yozhik: http://ciwei.blogspot.ru/2010/10/blog-post_06.html).

Важно отметить, что «в связи с японской угрозой Монгольской Народной Республике между СССР и МНР в ноябре 1934 года было достигнуто соглашение о взаимной поддержке в случае военного нападения на одну из сторон» [2, с. 150].

Учитывая многочисленные случаи провокации японской военщины на границах СССР, Советским Союзом были предприняты меры по защите дальневосточных рубежей, заключающиеся в переброске новых частей и соединений на Дальний Восток, в повышении

<http://www.bulletennauki.com>

боевой готовности войск, в укреплении морских и сухопутных границ и мобилизации оборонной промышленности.

В результате, после разгрома советскими и монгольскими войсками в августе 1939 года на реке Халхин-Гол регулярных войск японских агрессоров, Япония была вынуждена пойти на переговоры с СССР о заключении пакта о нейтралитете между СССР и Японией 13 апреля 1941 г. пакт о нейтралитете сроком на пять лет был подписан в Москве. Стороны соглашались «поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность». Если «одна из сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта» [2, с. 251]. Кроме того, в декларации, приложенной к договору, содержалось обязательство СССР уважать территориальную целостность и неприкосновенность Маньчжоу-Го, а Япония давала аналогичное обязательство в отношении МНР.

Поэтому, в условиях нарастания угрозы нападения на нашу страну со стороны Германии, заключение советско-японского пакта о ненападении означало крупный стратегический успех советской внешней политики. Однако Германия опередила Японию, напав на Советский Союз 22 июня 1941 г.

Следует отметить, что Япония являлась союзницей Германии и свои дальнейшие военные планы строила в зависимости от конкретной международной обстановки: план войны с СССР (план «Оцу»), принятый летом 1940 г., предусматривал поэтапный захват советского Дальнего Востока и укрепление маньчжурско — корейского плацдарма для развертывания военных действий против Советского Союза [2, с. 245].

В связи с этим, вокруг Мукдена был создан центр военной промышленности. В годы, предшествующие Второй мировой войне, развернулось строительство химических заводов и баз для выработки отравляющих веществ и бактериологического оружия» [1, с. 6]. Использование бактерий холеры, сибирской язвы, дизентерии, дифтерии привело к гибели огромного количества китайского населения.

Как сообщают источники, «в пригороде Харбина в поселке Пинфан японцами был организован секретный центр — «отряд №731». Он состоял из научно-исследовательской лаборатории и лагеря для пленных, на которых японские «врачи» испытывали бактериальное оружие. Среди узников отряда №731 были люди самых разных национальностей: китайцы, русские, корейцы, монголы, американцы. Людям вводили инъекции со смертельными бактериями чумы, паратифа, холеры. Японские «врачи» изучали анатомию, вскрывая скальпелями живых людей, искали средство против обморожения, подвергая пленных испытаниям холодом на случай войны в суровых условиях Сибири, конечности пленных замораживали, помещая в аргон, затем ампутировали замороженные части тела» [3].

Приведем несколько примеров деятельности особого секретного центра в Пинфане из фонда В. И. Чернышевой, начальника архивного отдела Управления НКВД.

Во-первых, согласно протоколу допроса младшего сержанта японской армии Танизаки Сигитоси, обстоятельства, в результате которых советские граждане попадали в особый исследовательский отдел, были таковыми: «...среди них были лица, захваченные японскими пограничниками насильно, а также советские летчики, совершающие на маньчжурской территории вынужденные посадки. К моменту начала военных действий между Красной армией и Квантунской армией в августе 1945 г. в нашем особом исследовательском отделе содержалось 140 чел советских граждан — офицеров, солдат Красной Армии, гражданских лиц, среди них была одна женщина. По истечению 4–6 мес. задержанный поступал в наше отделение и водворялся в специальный карцер, который состоял из шести одинаковых камер и специальной

<http://www.bulletennauki.com>

камеры для допросов. В каждом отдельном случае вопрос решался индивидуально. Например, русскую женщину 23–24 лет очень долго держали в карцере, а потом со слов японца Киназе я слышал, что она тяжело заболела и умерла. Обычно тех, кто не внушал доверия отправляли работать в концлагерь или на каменноугольные копи на ст. Фусин, где их содержали под усиленной охраной. Кроме того, я знаю, что некоторые русские были расстреляны, а также направлены в лагерь для физического уничтожения» [4].

Во-вторых, согласно протокола допроса военнопленного японской армии, сержанта Киндзе Гороо, 1918 г. р., который работал переводчиком в особом исследовательском отделе Харбинской военной миссии, выясняется, что «особый отдел располагался в 14 км от Харбина. Занимался собиранием шпионских разведывательных данных о Советском Союзе и его экономическом состоянии путем допроса перебежчиков из советской стороны, которые содержались в лагере отдела, именованного в целях конспирации «Приют». Перебежчики поступали в исследовательский отдел из различных отделений Восточных миссий, расположенных на границе с СССР. Все перебежчики проходили предварительную обработку в отделении военной миссии, и если устанавливалось, что они не враждебны японскому государству, то они поступали в наш лагерь. Как правило, собиралось около 120–130 чел., а вообще за время моей службы через наш лагерь прошло человек 300, может несколько больше. Большая часть их направлялась на работы в угольные копи. Всего было направлено около 100 человек. Другую часть заключенных, уличенную в каких-либо преступлениях против Японии или высказывающих недовольство пребыванием в лагере, заподозренных в побеге, отправляли в 731 отряд, который находился за городом в Харбине» [4].

К этому следует добавить, что особенно по-зверски японцы относились к местному населению — китайцам, осуществляя политику «трех дочиста» — «выжигай дочиста», «убивай всех дочиста», «грабь дочиста». Например, в 1942 г. в ходе карательной операции против жителей села Байтун японцы отравили ядовитым газом более 1000 китайских жителей.

Таким образом, СССР, давая согласие союзникам вступить в войну с Японией, преследовал цель уничтожить опаснейший очаг агрессии на Дальнем Востоке, оказать помощь народам Азии, в первую очередь китайскому народу, а также выполнить союзнический долг в отношении союзников — США и Великобритании.

СССР точно выполнил свои обязательства: ровно через три месяца после победы над Германией он вступил в войну с Японией.

Наступление советских войск началось 9 августа 1945 г. «Замыслом операции предусматривалось нанесение двух основных (с территории МНР и Приморья) и нескольких вспомогательных ударов, что обеспечивало глубокий охват основных сил Квантунской армии, рассеяние их и быстрый разгром по частям» [5].

Японское командование предусматривало в случае прорыва приграничных укрепленных районах отход японских войск на линию железной дороги Тумынь–Чанчунь–Дальний (Далянь), где предполагалось организовать оборону, а затем перейти в наступление с целью восстановить первоначальное положение. Поэтому «главные силы японских войск были сосредоточены в центральных районах Маньчжурии и только 1/3 в приграничной зоне» [5].

Войска 1-го Дальневосточного фронта, наступавшие навстречу Забайкальскому фронту, прорвали полосу пограничных укрепленных районов противника, отразили в районе Муданьцзяна сильные контрудары японских войск и 20 августа вошли в Гирич, затем, совместно с соединениями 2-го Дальневосточного фронта, в Харбин.

Таким образом, «к 20 августа советские войска продвинулись вглубь Северо–Восточного Китая с запада на 400–800 км, с востока — на 200–300 км и с севера — на 200–300 км. Они вышли на Маньчжурскую равнину (Сунляо), расчленили японские войска на ряд изолированных

<http://www.bulletennauki.com>

группировок и завершили их окружение» [5]. В результате молниеносной наступательной операции, под командованием маршала Василевского, Квантунская армия была разгромлена.

С 19 августа японские войска почти повсеместно стали сдаваться в плен. «Чтобы ускорить этот процесс, не дать им возможности эвакуироваться или уничтожить материальные ценности, в период с 18 по 27 августа были высажены воздушные десанты в Харбине, Мукдене, Чанчуне, Гирине, Порт–Артуре, Дальнем, Пхеньяне, Хамхыне и других городах» [5].

Отсюда следует, что планы японского командования на упорную оборону и последующее контрнаступление были сорваны.

Из числа рядовых японской Квантунской армии по решению Советского правительства «было отобрано 540 тыс. человек для работы на объектах народного хозяйства Дальнего Востока и Сибири. Постановлением ГКО №9898 от 23.08.1945 г. «О приеме, размещении и трудовом использовании военнопленных японской армии» было предусмотрено вывести японских военнопленных из Маньчжурии на Дальний Восток, в Восточную Сибирь и некоторые другие районы СССР в количестве 520 тыс. чел» [6, с. 12].

Для выполнения этого постановления ГУПВИ НКВД СССР в короткие сроки были проведены организационные мероприятия по приему военнопленных, формированию батальонов и отправке их в СССР. После прибытия в лагерь и трехнедельного карантинного периода проводились учет и проверка прибывшего контингента. «Эти мероприятия проводились очень тщательно: их целью было не только выявление военных преступников, сотрудников японской разведки, лиц, служивших в карательных и специальных (бактериологических) отрядах, но также лиц, готовых сотрудничать с органами НКВД» [7, с. 39].

Японцев использовали на тяжелых работах по восстановлению народного хозяйства СССР — в промышленности, на валке леса, добыче угля и цветных металлов, на строительстве крупных предприятий, шоссейных и железных дорог, в том числе на строительстве железной дороги БАМ. Условия жизни военнопленных были достаточно жесткими. Тяжелый, часто непосильный труд, скудное питание, суровый климат Сибири и Дальнего Востока приводили к высокой смертности.

Реконструкция исторической действительности с помощью рисунка Йоситаро Тогуси, бывшего военнопленного, раскрывает картину использования труда японских военнопленных в советском плену: «Японцам, незнакомым с работой на лесозаготовках при тридцатиградусном морозе, было очень трудно рубить топором сырые деревья, пилить бревна, валить лес; тяжело было шагать по снегу с тяжелым бревном на плече под надзором советских солдат, с мыслью, что никогда не удастся вернуться домой, ведь для восстановления народного хозяйства необходимо было много леса» [8].

Из воспоминаний очевидицы жизни японских военнопленных в гор. Комсомольске–на–Амуре Н. Ф. Селезневой, 1935 года рождения: «Когда мне было 10 лет, мы жили на Амурстали, третий дом по улице Брендянского. Я помню японцев, которые приезжали на работы на нашу улицу. Они работали на дорожных работах, отсыпали дороги. В 1946 году японцы были бесконвойные, возраст разный — от 35 до 38 лет. Население относилось к японцам доброжелательно, нападков на них не было. По характеру японцы были сдержанные, вежливые, работали добросовестно. Японские военнопленные, по-видимому, недоедали и просили у местных еду в обмен на разные вещицы. Особенно они любили детей и дарили детям всякие игрушки. Однажды меня откликнул японец: «Маринький, иди сюда!» Он протянул мне красивую гребенку и попросил риса: мы рис мало ели, а японцы любили его. Все мы работали в восстановлении народного хозяйства в послевоенные годы — страх был и энтузиазм. Многие японцы женились на местных и остались. Им предлагали в 1949 году поехать на родину после

<http://www.bulletennauki.com>

плена или остаться здесь, многие уехали на родину, остальные рассеялись, наверное уехали с семьями куда-то».

После Женевской конвенции в 1949 г. строгого охранного режима уже не было. Военнопленные могли свободно перемещаться и вести культурную жизнь [6].

К 1950 г. около 500 тыс. японцев было репатрировано на родину. К апрелю 1950 г. в СССР находилось еще несколько тысяч японских военнопленных. Все они были отпущены на родину только в 1956 г., после того, как между СССР и Японией была подписана декларация об урегулировании отношений [6].

Милитаристские устремления Японии обозначились в 30-х годах XX века и были связаны с планами Японии захватить колонии стран Великобритании, США, завоевать Китай, а затем напасть на Советский Союз. Японцами было создано специальное подразделение «отряд №731», занимающийся на протяжении более десяти лет разработкой и испытаниями бактериологического оружия, проводимого в основном на захваченных мужчинах и женщинах русского, китайского, корейского и монгольского происхождения. Предположительно, численность погибших в Северо-Восточном Китае более 3 тыс. человек [3].

Захватнические планы японского командования и милитаристов не удалась. Советские войска ценой собственных жертв, положили конец этим безумствам. Благодаря СССР перед народами Юго-Восточной и Центральной Азии после окончания Второй мировой войны открылась благоприятная перспектива развертывания борьбы за свое национальное и социальное освобождение.

Список литературы:

1. Спиридонов М. Н. Японские военнопленные в Красноярском крае (1945–1948 г.г.): проблемы размещения, содержания и трудового использования: дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2001. 306 с.
2. История второй мировой войны 1939–1945 гг. в 12 томах. Т. 1. Зарождение войны. Борьба прогрессивных сил за сохранение мира. М.: Воениздат, 1973. 362 с.
3. Боевые друзья плачут под мерзлой землей: печальные японские военнопленные были в СССР / Юсаки; ред. Т. Йоситаро. Б. м. : б. и., 1995. 109 с. : ил. 70 р.
4. Кузьмина М. А. Плен. Комсомольск–на–Амуре, 1996. 285 с.
5. История международных отношений и внешней политики СССР в 3-х томах. Т. 1. / Под ред. И. А. Кирилина. М.: Междунар. отношения, 1986. 416 с.
6. Янгузов З. Ш. Немеркнущая слава Хасана. Хабаровск: Хаб. кн. изд–во, 1968.
7. Фонд В. И. Чернышевой, начальника архивного отдела Управления НКВД (1948–1986). Белая эмиграция на службе у японского империализма // ГАХК. Ф. 849. Оп. 1. Д. 23. Л. 62.
8. Плотников Г. К. Маньчжурская операция 1945 года // Хронос: всемирная история в Интернете. Режим доступа: <http://www.hrono.ru/sobyt/1900sob/1945manzhur.php> (дата обращения 07.11.2015).

References:

1. Spiridonov M. N. Yaponskie voennoplennyye v Krasnoyarskom krae (1945–1948 g. g.): problemy razmeshcheniya, sodержaniya i trudovogo ispol'zovaniya [Japanese prisoners of war in the Krasnoyarsk Territory (1945–1948): accommodation problems, maintenance and use of labor]: dis. ... kand. ist. nauk. Krasnoyarsk, 2001. 306 p.
2. Istoriya vtoroi mirovoi voiny 1939–1945 gg. [History of the Second World War, 1939–1945] in 12 v, v. 1. Zarozhdenie voiny. Bor'ba progressivnykh sil za sokhranenie mira [The origin of the war. The struggle of the progressive forces to preserve peace]. Moscow, Voениzdat, 1973, 362 p.

<http://www.bulletennauki.com>

3. Boevye druz'ya plachut pod merzloi zemlei: pechal'nye yaponskie voennoplennye byli v SSSR [Friends in Battle cry at the frozen ground: sad Japanese prisoners of war were in the USSR]. Yusaki; ed. T. Yositaro, 1995, 109 p.

4. Kuzmina M. A. Plen [Captivity]. Komsomolsk-on-Amur, 1996, 285 p.

5. Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii i vneshnei politiki SSSR [The history of international relations and foreign policy of the USSR] in 3th v., v. 1., ed. by I. A. Kirilina, Moscow, Mezhdunar. otnosheniya, 1986, 416 p.

6. Yanguzov Z. Sh. Nemerknushchaya slava Khasana [Unfading glory Hassan]. Khabarovsk, Khab. kn. izd-vo, 1968.

7. Fond V. I. Chernyshevoi, nachal'nika arkhivnogo otdela Upravleniya NKVD (1948-1986). Belaya emigratsiya na sluzhbe u yaponskogo imperializma [Fund V. I. Chernysheva, the head archival department of the NKVD Administration (1948-1986). White emigration in the service of Japanese imperialism]. GAKhK. F. 849. Op. 1. D. 23. L. 62.

8. Plotnikov G. K. Man'chzhurskaya operatsiya 1945 goda [Manchurian operation 1945]. Khronos: vseмирnaya istoriya v Internetе. Available at: <http://www.hrono.ru/soby/1900sob/1945manzhur.php>, accessed 07.11.2015.

*Работа поступила в редакцию
14.03.2016 г.*

*Принята к публикации
18.03.2016 г.*